

Получив согласие от Госпожи Нин, Нин Синчжи почувствовал, что ему стало намного легче дышать. Хотя он испытывал трепет перед Нин Фэем и знал, что тот вскоре вернется в столицу, за спиной стояла Госпожа Нин, и это придавало Нин Синчжи уверенности — ему казалось, что теперь ему ничего не страшно.

Все эти дни Нин Синчжи тревожился о Госпоже Нин и ночами не сомкнул глаз. Но стоило тяжести отлечь от сердца, как на него навалилась усталость, словно внезапно хлынувшая приливная волна. Стоило ему лечь на кровать, как он тут же забылся тревожным сном.

Среди ночи Нин Синчжи почувствовал невыносимый жар, разлившийся по всему телу. Он откинул одеяло, но легче не стало. Сквозь полудрему он ощутил, как чьи-то холодные руки коснулись его кожи, и зной сразу же немного отступил.

Нин Синчжи машинально перехватил эту руку. Она была ледяной, мягкой и обладала той нежной гладкостью, которой не бывает у мужчин. Его разум мгновенно прояснился, он распахнул глаза и увидел у кровати точеную темную фигуру, в которой безошибочно угадывалась женщина.

Ошеломленный Нин Синчжи торопливо соскочил с кровати и отступил к самому окну:

— Кто ты?

Фигура легко вздрогнула, и раздался мягкий женский голос:

— Молодой господин Нин, я Чэнь Мяомяо.

Чэнь Мяомяо?

Нин Синчжи остолбенел. Разве она не дочь министра Чэнь Шили? Как она здесь оказалась? В этот момент он вдруг вспомнил странную перемену в поведении Госпожи Нин и то, что она за ужином не притронулась ни к единому кусочку еды.

Матушка...

У Нин Синчжи защипало глаза. Он-то думал, что Госпожа Нин и впрямь на его стороне, но оказалось, что всё это — лишь искусно расставленная ловушка.

Чэнь Мяомяо горько улынулась:

— Если бы я могла остаться рядом с молодым господином, эта девушка не пожалела бы ни о чем до конца своих дней.

Она шагнула ближе, но не успела договорить, как Нин Синчжи уже решительно перебил её:

— Вы с ума сошли!

Чэнь Мяомяо произнесла с горечью:

— Я искренне привязана к молодому господину, и, услышав, как вас травят гнусными слухами, захотела помочь вам выпутаться.

Нин Синчжи возразил, продолжая терпеливо увещевать её, хотя рассудок уже начал затуманиваться:

— То, что болтают в народе — вовсе не выдумки. Я и правда без памяти люблю Его Величество, и то, что я принадлежу ему всем сердцем и телом — чистая правда. Не глупите, девушка, не ломайте себе жизнь наотмашь.

Чэнь Мяомяо испугалась его слов и всхлипнула:

— Я просто хотела выручить вас! Вы благородны и прекрасны собой, поистине дракон среди людей — с какой стати вам терпеть такие оговоры и клевету? К тому же, стать супругой молодого господина — заветное желание всей моей жизни. Поступив так сегодня, я и вам помогу, и своему чистому чувству не изменю. Разве в этом есть что-то дурное?

Заметив, что Чэнь Мяомяо подбирается всё ближе, Нин Синчжи намеревался было выпрыгнуть в окно, но от отравы, подмешанной Госпожой Нин, в теле не осталось и капли прежних сил. Преодолевая слабость, он попятился к выходу из спальни и, едва распахнув дверь, рухнул в чьи-то крепкие, теплые объятия.

От незнакомца исходил легкий аромат драгоценной амбры. Нин Синчжи поднял взгляд на Не Сюаня, но лицо того тонуло в ночном мраке, скрывая любые эмоции.

Чувствуя помрачение в рассудке, Нин Синчжи едва держался на ногах. Ощувив, как прохладные пальцы обхватили его подбородок — а это прикосновение принесло невероятное, спасительное облегчение, — он с трудом устоял на месте и, опираясь рукой на цветочную этажерку у окна, прошептал:

— Пробираться в спальню к мужчине — позор для чести порядочной девицы. Пока никто ничего не узнал, возвращайтесь-ка вы домой.

Но Не Сюань и не думал отпускать Чэнь Мяомяо. Подхватив Нин Синчжи на руки, он широким шагом пересек комнату, решительно швырнул его на кровать и, опустившись перед ним на колени, жестко сжал его подбородок. В голосе императора звучала леденящая стужа:

— Я что, явился не вовремя? Помешал твоему свиданию?

Нин Синчжи прерывисто дышал, ноги под ним подкашивались. Вспыхнувший на губах жар манил сладковатым ароматом, и Не Сюаню следовало бы отстраниться, но он, поддавшись внезапному порыву, страстно углубил поцелуй.

Лицо Чэнь Мяомяо исказилось от ужаса.

Нин Синчжи запустил пальцы в сплетение с пальцами Не Сюаня. В его влажных глазах плескался такой глубокий омут, что это зрелище доводило до безумия, заставляя сердце трепетать.

Не Сюань невольно крепче сжал эту пылающую ладонь.

Взглянув на оцепеневшую Чэнь Мяомяо, император насмешливо фыркнул:

— С какой стати мне отпускать человека, который принадлежит мне? А вот ты... если Чэнь Шили прознает, что его дочь среди ночи сбежала из дома, пробралась в покои чужого мужчины и пыталась с ним возлечь — интересно, что он на это скажет?

Прищурившись, Не Сюань неспешно подцепил пальцами полупрозрачную шелковую накидку на плечах Нин Синчжи и с усмешкой глянул на ошеломленную девушку:

— Или барышня Чэнь желает досмотреть представление до конца?

Снаружи послышался испуганный вскрик Чэнь Мяомяо, следом — торопливые шаги удаляющихся ног.

Но у самого Нин Синчжи в мыслях уже бушевал шторм. Едва придя в себя, он с гневом выпалил:

— Ты спятил! Подумал ли ты о тех, кто сидит в императорском зале — о твоих родителях? О том, что ждет тебя в будущем?

Когда Чэнь Мяомяо, подобравшись ближе, попыталась коснуться Нин Синчжи, его пальцы уже запутались в волосах императора. Отуманенный зельем, Нин Синчжи бессвязно бормотал, сиюсь дотронуться до щеки Не Сюаня:

— Второй братец...

...Ночь перевернула всё вверх дном. К утру, когда пелена сна спала, в покоях никого не осталось — лишь царил полный разгром.

Нин Синчжи уже не помнил, что именно произошло прошлой ночью. Тело ломило от тупой боли, а бесчисленные следы на коже красноречиво свидетельствовали о том, насколько яростной была эта ночь.

Он сидел на постели, тупо глядя перед собой, и безуспешно пытался восстановить события. Но память словно оборвалась в тот самый миг, когда он, толкнув дверь, рухнул в объятия Не Сюаня. Всё, что последовало дальше, скрывалось в непроглядном тумане.

— Молодой господин, вы проснулись? — раздался за дверью голос Цю Тун.

Нин Синчжи бросил взгляд на окно: сквозь бумажные рамы пробивался лишь бледный предрассветный сумрак. Кривая ухмылка тронула его губы — он и помыслить не мог, что матушка способна на столь низость.

— В чем... — голос сорвался, осипнув до такой степени, что вымолвить слово стоило огромного труда. Он прочистил горло, хотя хрипота не исчезла, и всё же выдавил: — В чем дело?

Цю Тун отозвалась:

— Барышня Чэнь уже очнулась? Я пришла проводить её домой.

Нин Синчжи не удержался от смеха и переспросил:

— Барышня Чэнь? Какая еще барышня Чэнь? О чем ты толкуешь, сестрица Цю Тун?

Цю Тун встревожилась:

— Молодой господин, оставьте шутки, если мы не проводим барышню Чэнь прямо сейчас, то...

— Сестрица Цю Тун, — оборвал её Нин Синчжи. — Когда речь идет о девичьей чести, лучше не болтать лишнего.

Цю Тун умолкла. Почувствовав неладное, она стремглав бросилась назад в Цзинсиньюань: прошлой ведь ночью они лично привели сюда Чэнь Мяомяо, как же её могло не оказаться на месте?

Услышав, что снаружи стихли шаги, Нин Синчжи поднялся и принялся одеваться. Едва он застегнул последние пуговицы, дверь распахнулась, и в комнату со мрачным лицом вошла Госпожа Нин.

Окинув взглядом растерзанную постель, Госпожа Нин заметно расслабилась и произнесла:

— Раз всё уже свершилось, бросать девушку нельзя. Сегодня же я отправлю сваху в дом Чэней...

Нин Синчжи горько усмехнулся. Глаза его покраснели, когда он в упор посмотрел на мать:

— Зачем посылать сватов к Чэням?

Госпожа Нин нахмурилась:

— Ты уже разделил ложе с барышней Чэнь...

— Матушка, — глухо произнес Нин Синчжи. — Прошлой ночью здесь был император.

Госпожа Нин пошатнулась, ноги под ней подогнулись, и она чуть не упала. Цю Тун испуганно подхватила её под руку.

— Госпожа! — испуганно вскрикнула служанка.

Госпожа Нин побелевшими губами пролепетала:

— Что ты сказал?

Нин Синчжи повторил:

— Прошлой ночью здесь находились только я и Ваше Величество. Никого больше.

— Нин Синчжи! — взвизгнула Госпожа Нин, чувствуя, как перед глазами всё плывет от дурноты. Она прижала руку к груди и ткнула в сына пальцем: — Как ты можешь быть столь упрямым?! Ну и пусть у вас с императором что-то было, разве это мешает тебе жениться? Вспомни, разве у покойного императора не было сначала князя Аньпина, а после — Жуи-цзюня? Разве кто-то из них остался без семьи? Почему же для тебя это под запретом? Если ты упрямисься, я сама пойду во дворец и буду вымаливать у государя императорский указ о браке!

— Матушка... — Нин Синчжи рухнул перед ней на колени, упершись лбом в холодный пол. Капли его слёз оставляли на полу темные влажные пятна. — Умоляю, не надо. Не принуждайте меня.

Госпожа Нин с гневом указала на дверь:

— Вон! Пошел вон из моих глаз! Нет у меня больше такого сына!

Видя её отчаяние, Нин Синчжи чувствовал, как разрывается сердце. Он трижды отбил низкий поклон, ударившись лбом о деревянный настил:

— Матушка, ваш сын оказался неблагодарным. Берегите себя.

Отвернувшись, Госпожа Нин зажмурилась, чтобы не видеть его лица. И лишь когда шаги Нин Синчжи стихли, она рухнула на стул и дала волю рыданиям, закрыв лицо руками.

Выскочив за ворота Резиденции генерала, Нин Синчжи помчался вперед закинув голову, и лишь оказавшись на улице, смог сделать глубокий вдох.

Длинная торговая улица была пуста и безмолвна. В обычное время чиновники уже давно собирались на утренний доклад, но Нин Синчжи, встряхнув головой, вспомнил: сегодня же

выходной день. Неудивительно, что матушка выбрала для своего плана именно прошлую ночь.

Бесцельно бродя по улицам, он дошел наконец до ворот Чжуцюэ.

Створки ворот были распахнуты настежь, стражники из караульного гарнизона несли службу у проема. Завидев идущего Нин Синчжи, они переглянулись и разразились громким смехом.

Прежде, когда доходили вести о том, как Нин Синчжи в одиночку прорвался сквозь вражеский строй и зарубил князя Чэна, многие преклонялись перед его силой. Но стоило узнать, что он выслужился благодаря собственной красоте, как поползли кривотолки: а не была ли та победа над врагом и убийство князя Чэна выдумкой, распущенной ради славы? Подобное поведение вызывало лишь презрение.

В последние дни Нин Синчжи не показывался на глаза, и ходили слухи, будто он хворает. Но в воображении солдат эта хвочь обрастала самыми пикантными подробностями — в одном они были уверены: болел он вовсе не тем, о чем болтали вслух.

Пройдя мимо них с абсолютно невозмутимым лицом, Нин Синчжи приблизился к городской стене. В этот самый момент сверху со свистом рухнуло длинное тяжелое копьё. Он не прибавил шагу, не выказал ни малейшей тревоги — лишь в самый последний миг, прежде чем древко коснулось мостовой, откинул ногу назад, подбросил копьё носком сапога и уверенно перехватил его рукой.

Остановившись на месте, Нин Синчжи заговорил тихим, но отчетливо разнесшимся по округе голосом:

— Это оружие защищает врата столицы. Как можно бросать его где попало? Встреться вам настоящий враг — так расстанетесь со своими головами.

Смешки мгновенно смолкли. Лица стражников вытянулись и приняли неловкое выражение. Один из командиров отряда уже хотел было огрызнуться и высказать дерзость, но Нин Синчжи вдруг подбросил копьё вверх и легко подтолкнул его локтем. Оружие со свистом взмыло ввысь и угодило прямо на крепостную стену.

Тот самый стражник, уронивший копьё, машинально протянул руки и поймал его, не успев даже сообразить, что произошло.

Больше не обращая на них внимания, Нин Синчжи направился в гарнизон, оставив за спиной толпу остолебевших воинов, которые всё еще не верили собственным глазам.